НИКОЛАЙ ТРЕТЬЯКОВ

живопись

НИКОЛАЙ ТРЕТЬЯКОВ

живопись

Весна света

Москва
никея
2013

Издание осуществлено
при финансовой поддержке АТОН

ISBN 978-5-91761-217-1

© Н. Н. Третьяков, 2013
© Издательство «Никея», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

А. Д. Червяков

Дом, в котором живут ласточки

8

В. Н. Страхов

Весна света

13

С. А. Гавриляченко

Третьяков-младший. Паломником по христианскому миру

93

Н. Е. Зайцев

О художнике Н. Н. Третьякове

101

Творческая биография

108

...Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы.
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Николай Рубцов

Дом, в котором живут ласточки

А. Д. Червяков
Старший научный сотрудник
Музея древнерусской культуры
и искусства им. Андрея Рублева

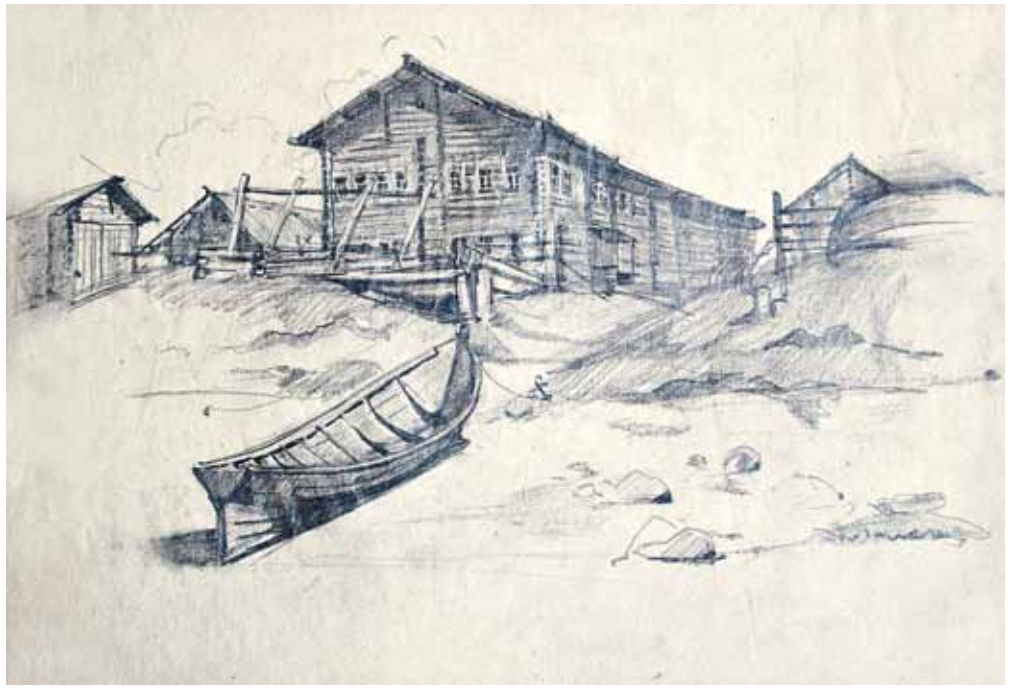
Наша жизнь начинается в доме. В его стенах мы растем, мечтаем, становимся стариками и стремимся именно здесь кончить свой век.

Некая страна, именуемая домом, заселена нами и нам принадлежит. Самое страшное, когда теряем этот свой Богом данный удел. Если его стены разрушены или насельники домашней обители изгнаны врагом, дом становится невидимым градом Китежем. Когда же враг уходит, зримый образ семейного града является миру. Главное – сохранить образ, душу нашего дома.

Весной 1985 года меня пригласили посмотреть дипломные работы студентов Московского государственного художественного института им. В. И. Сурикова. Молодые художники еще работали над своими полотнами, и я жадно вглядывался в то, как они писали. Всегда ждешь чуда рождения нового в искусстве.

Сосна. *1983. Бумага, карандаш. 62×40*

Северный дом.
1983. Бумага, карандаш.
48×33

Среди живописных работ запомнились портреты и интерьеры Николая Третьякова. Художник писал исключительно сельских жителей, но не «типы русской деревни», а глубокие психологические портреты близких и дорогих людей. Так же серьезно, с уважением писал своих односельчан покойный А. А. Пластов, замечательный художник-«деревенщик» XX века. Интерьеры крестьянской избы на полотнах Н. Третьякова не напоминали этнографические штудии. В домах, которые он писал, жили их законные хозяева.

Подчеркнуто открытый цвет придавал и портретам и интерьерам какое-то очень родное, пронзительное звучание.

...Прошло несколько лет. Николай Третьяков – член Союза художников. Его работы выставляются на больших и маленьких выставках в нашей стране и за рубежом. Многие произведения художника хранятся в частных собраниях России, Германии, Испании, Финляндии.

Окреп и возмужал талант живописца. Исчезла юношеская скованность в композиции, цвет стал «плотнее», но тема осталась прежняя – русский крестьянский дом, малознакомое горожанину пространство деревянной крестьянской избы.

Интерьеры Н. Третьякова всегда живые, он сам живет в этом тихом, серьезном и радостном мире. Дом художника – не мастерская заезжего живописца, не дача, а удел, в котором он раскрывается как человек и гражданин.

За стенами изб узнаваемы родные сельские дали, глухие леса, тихие пути-дороги. Дом не растворяется в пейзаже. Он – сгусток, образ нашего сельского мира, просветленный образ России...

— Коля, а у тебя в доме и ласточки живут?

— Правда, живут. Даже птенцов выводят.

И вспоминается давнишний рассказ покойного С. И. Фуделя вот о таком же доме, о жизни с ласточками, тишиной, лесом, молитвой...

Иван Федорович Мартынов.
1985. Холст, масло. 90×65

Настасья Сергеевна Мартынова.
1985. Холст, масло. 90×65

«Под Воронежом, – вспоминал С. И. Фудель, – у самой опушки громадного заповедника, жила старуха Адриановна с дочерью Сашей. Саша была уже в средних годах, оставаясь всю жизнь девушкой. Она была убогая – в детстве упала в колодезь и оглохла навсегда.

У них была большая изба, на отлете от деревни, сзади лес, впереди большой луг. Была тишина в их доме, тишина не наша, и такая мирность, что ласточки, жившие в сарае под одной крышей с домом, влетали в комнату, сначала уничтожали всех мух, а потом садились по краям большого зеркала и долго с интересом глядели в него.

Дочь пасла ежедневно свою корову в лесу. В лесу этом можно было встретить не только зверя, но и плохого человека, и Саша, входя в него, говорила: «Ну, таперь, Господи, сторожи меня». И Господь сторожил.

В старой избе. *1984. Холст, масло. 55×80*

Из рассказов Адриановны передам один. Умер брат ее мужа от раны, полученной на фронте. Она сначала его поминала в годовщину, а потом как-то и позабыла, после чего тут же видит его во сне. «Ну, как ты там?» – спросила его. Он ответил: «Господь мне все показал – где я плохо делал, где хорошо, с семи моих лет показал, с того, как я на чужом огороде свеклу вытащил, попробовал есть, да и бросил... Но только за фронт многое Он мне простил...»

Вспоминаю я их сейчас, уже через 20 лет после этого рассказа. Адриановны нет в живых, и про Сашу ничего не знаю. Но живу их верой и, когда мне хорошо, их тишиной. И все надеюсь, что в Царстве Божием разрешено мне будет снова взойти в их дом с ласточками...» Общее, единодушное с картинами художника слышится мне в этом бесхитростном рассказе. Только вот дом художника не под Воронежом, а в Костромской земле. Так ведь одна земля – родная Земля Русская.

Весна света

В. Н. Страхов

Заслуженный художник России.

Член-корреспондент Российской

Академии художеств

Однажды в мастерской Николая Третьякова я увидел небольшой по размеру зимний пейзаж и был удивлен, как здорово ему удалось передать настроение морозного дня, силуэты деревенских изб с вертикальными столбами печного дыма, сияние высокого неба и снежный простор.

Не знаю почему – не важно, – вспомнился вологодский странник Христа ради Иван Иванович со своей котомкой и черемуховым посохом, красным от мороза лицом и рыжей как солнце бородой. «Уж больно ты тепло одет, – говорит он, – в холоде надо жить. В тепле-то и дурак живет, а ты в холоде поживи. Пусть мороз прокалит и прожжет кровь, это полезно. А то уснешь – кто тебя разбудит?»

Каждый год в феврале Николай Третьяков уезжает из Москвы в свой деревенский дом в Костромской области. Здесь, в лесной глухомани и одиночестве, ему хорошо работается. Он легко управляется с домашним хозяйством, ходит на охоту, созерцает природу. В ненастные дни пишет интерьеры и натюрморты.

Кругом царство зимы, а дома тепло. Хорошо вечером сидеть у огня, когда топится печь, читать, слушать музыку, размышлять. Постепенно день ото дня в природе что-то меняется, стихают ветра, и даже в пасмурные дни становится светлее. А когда появляется солнце, снега торжественно сияют. Еще зима, но по вечерам небеса уже светлы, а звезды ночью ярче и крупнее.

В эти дни была написана картина «Зимний день» (1998). Суровый эпический пейзаж завораживает своим музыкальным строем. Лесные дебри утопают в снежных сугробах. Дикая природа, холод и тайна на берегах лесной замерзшей реки, но в небе, в кронах деревьев, в ветках берез и в скользящих по снегу лучиках света угадывается скорый приход весны. Предчувствие весны, начало весны М. М. Пришвин на-

Весна света. Первые проталины. *2004. Холст, масло. 26×100*

звал ВЕСНОЙ СВЕТА: «Этот день весь, с утра до ночи, цвел и блестел как кристалл. Все в этом первом дне весны света было прекрасно». А за весной света наступит весна воды, весна травы.

Костромские пейзажи Николая Третьякова созерцательны, глубоки, полны раздумий, будят фантазию. В них есть предощущение таинственных перемен в природе. Художник в пейзаже «Зимний вечер в деревне» (1999) слышит звуки аккордов приближающейся ночи. Чувствуется, какой она будет холодной, темной. Тревожно догорает заря, окна в домах погашены. Солнце ушло за горизонт. Все замирает.

А в пейзаже «Зимний вечер» (1999) видно, каким светоносным и ликующим был день. В вечернем настроении сельского вида – чистота и радость. Живо поблескивают окна деревенского дома на угоре. По снежной целине расчищается дорога к бане. Незримое присутствие человека делает изображенное пространство обитаемым, будит воображение. Контрасты снежного покрова, земли не только наполнены

ясной формой, но и богаты игрой теплых и холодных полутонов, ландшафт становится интересным, наполненным динамикой ритмов, дающим свежесть восприятия и романтическую приподнятость события.

Третьяков пишет с натуры на природе. Для него это особенное состояние души, когда он становится собраннее, обостряется его внутреннее зрение, слух. Даже время становится как бы другим.

Все так быстро меняется в природе в движении света и тени. В такие минуты совершается художественное открытие. Нужно только успеть прочесть мотив, услышать звук природы и осознать, запечатлеть образ пейзажа.

Живопись

В закрытом храме. *1993. Холст, масло. 70×95*

Весенняя дорога. Снег тает. *2005. Холст, масло. 40×65*

Наш дом в деревне. *1999. Холст, масло. 44×82*

Гвоздики старых хозяев. *2004. Холст, масло. 35×64*

В лесном краю. *1999. Холст, масло. 50×70*

Весенняя дичь. *2006. Холст, масло. 50×95*

Зимний день. *1998. Холст, масло. 40×70*

Лето в деревне. *2003. Холст, масло. 45×60*

Крещенское утро. *2006. Холст, масло. 50×80*

Костромская изба.
2003. Холст, масло. 70×35

Весна. Лед прошел. *2007. Холст, масло. 43×64*

Деревенский натюрморт с пижмой.
2010. Холст, масло.
80×50

Зимняя дорога. *2003. Холст, масло. 47×85*

День догорает. *2012. Холст, масло. 60×100*

У русской печки. *2011. Холст, масло. 42×61*

Васильки и незабудки.
2011. Холст, масло.
50×40

Портрет Василисы.
2012. Холст, масло.
50×39

Светает. *2011. Холст, масло. 50×110*

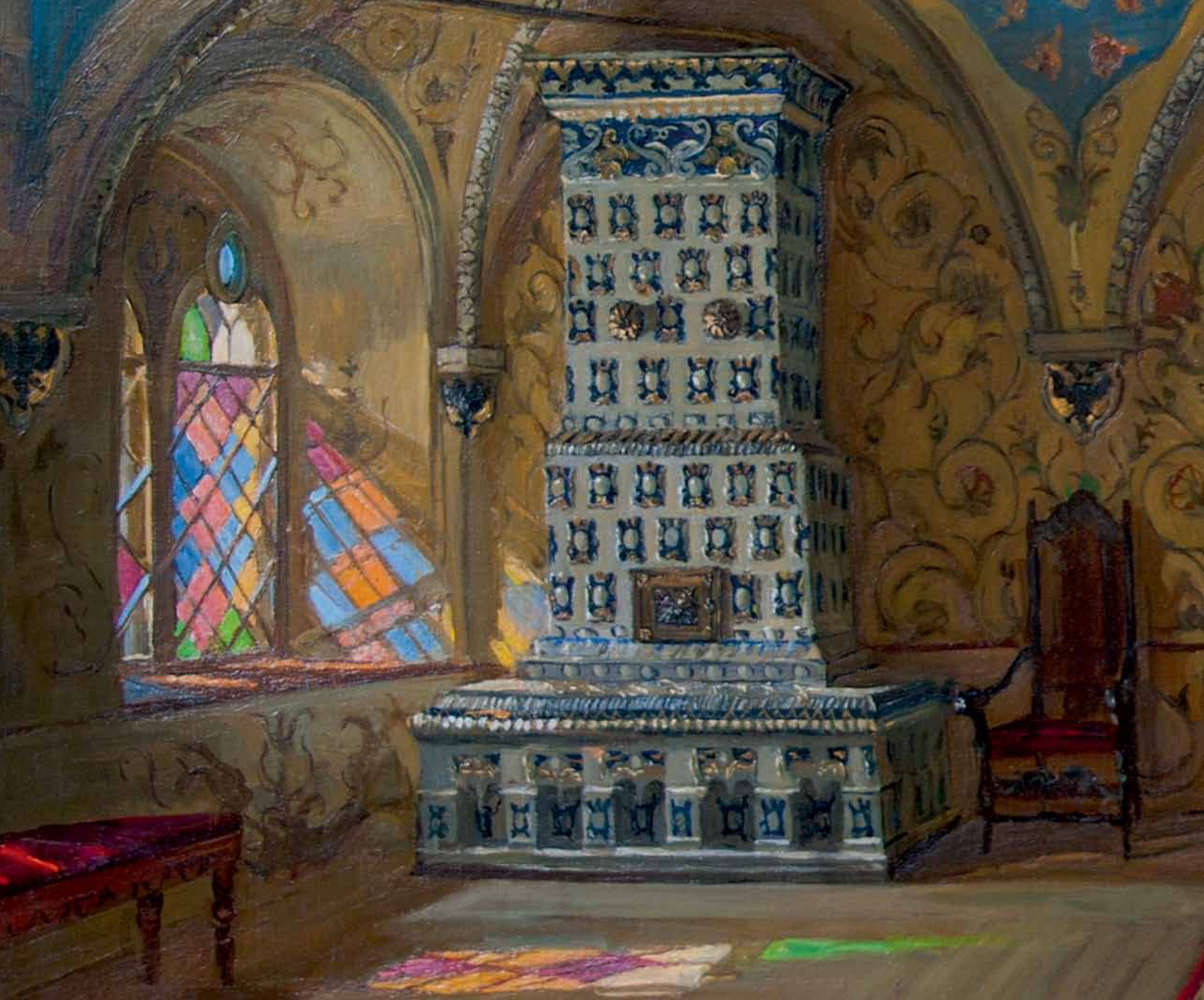
Лето в старом доме. *2012. Холст, масло. 67×108*

В Борисоглебском монастыре. *2012. Холст, масло. 30×50*

Перед службой. *1993. Холст, масло. 70×97*

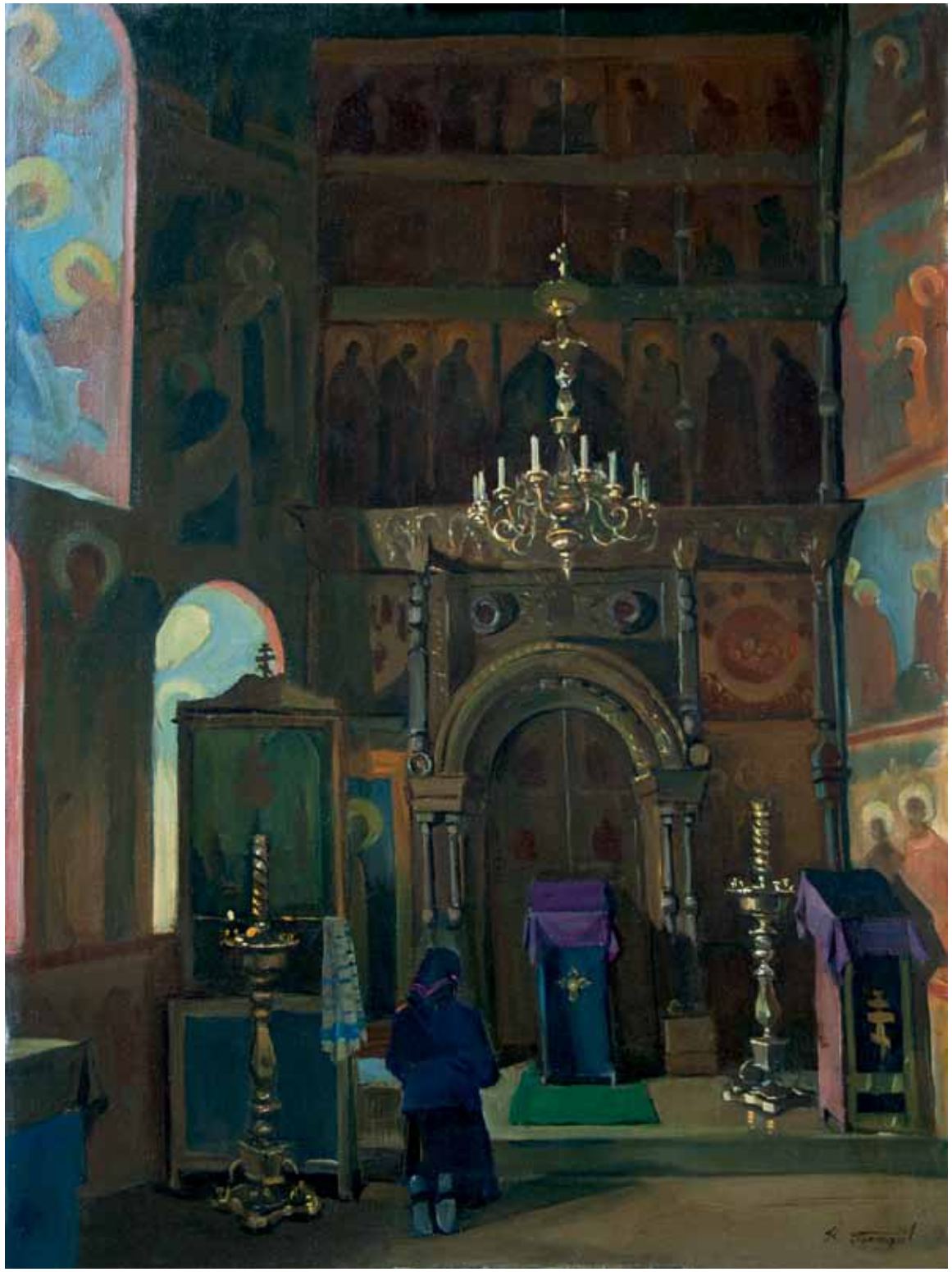
Вид на Московский Кремль с Москвы-реки. *2003. Холст, масло. 40×60*

Теремной дворец Московского Кремля. *2010. Холст, масло. 65×120*

Вид на Соборную площадь Московского Кремля. *2004. Холст, масло. 55×80*

В древнем соборе.
1993. Холст, масло.
85×65

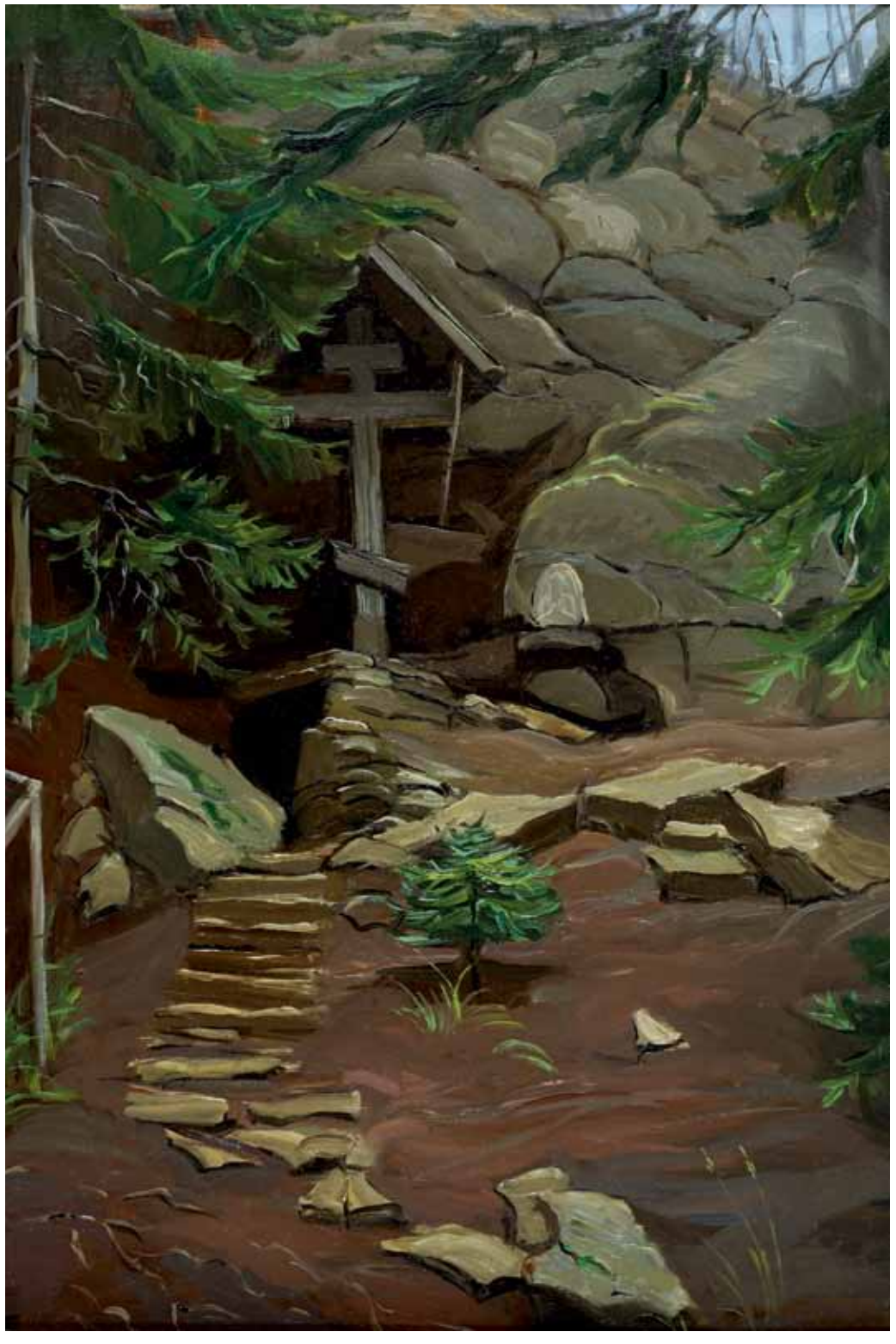

Ипатьевский монастырь в Костроме. *1999. Холст, масло. 66×120*

Летний вечер в Монастырской бухте. *2007. Холст, масло. 30×60*

Крест у пещеры
Александра Свирского.
2007. Холст, масло. 60×35

Валаам зимой. *2011. Холст, масло. 40×70*

Смоленский скит в серую погоду. *2007. Холст, масло. 30×50*

На горах Валаамских. *2007. Холст, масло. 45×90*

Дорога на монастырское кладбище. *2008. Холст, масло. 50×45*

Вид на Никольский скит. *2007. Холст, масло. 30×90*

Зимний вечер на Валааме. *2011. Холст, масло. 30×40*

Осень в Монастырской бухте. *2007. Холст, масло. 35×45*

Спасо-Преображенский собор на Валааме. *2007. Холст, масло. 25×80*

Никольский скит на Валааме. *2005. Холст, масло. 60×110*

Гора Афон. *2007. Холст, масло. 30×40*

Вид на русский скит Фиваида на горе Афон. *2007. Холст, масло. 30×90*

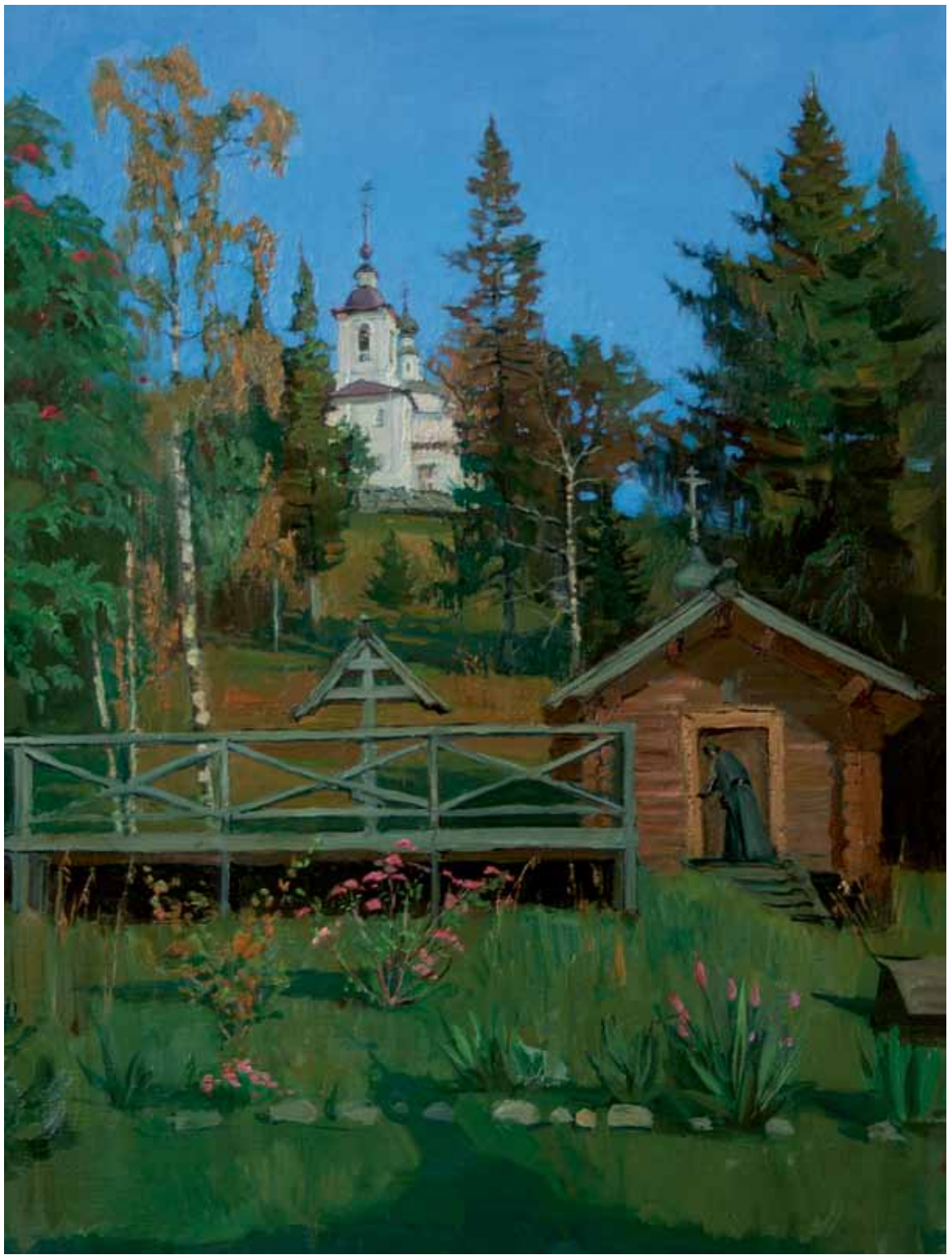
Скит Ксилургу. *2007. Холст, масло. 25×70*

Скит Ксилургу на Афоне. *2007. Холст, масло. 20×30*

Морской берег близ Фиваиды. *2007. Холст, масло. 25×60*

На Голгофской горе.
2012. Холст, масло.
64×50

У стен Соловецкой обители. *2011. Холст, масло. 20×30*

Церковь Воскресения Христова на Анзере. *2012. Холст, масло. 40×65*

Тихое утро в бухте Благополучия. *Холст, масло. 40×75*

У Соловецких стен. *2009. Холст, масло. 35×70*

Гора Голгофа. *2012. Холст, масло. 55×95*

Собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре. *2006. Холст, масло. 45×65*

Начало весны. *2008. Холст, масло. 40×55*

Зима в деревне Беликово. *2006. Холст, масло. 50×120*

Речка Могза. *2012. Холст, масло. 35×45*

Деревенский натюрморт с лесными цветами. *2006. Холст, масло. 35×80*

Солнце садится. *2011. Холст, масло. 30×60*

Летний день. *2011. Холст, масло. 25×35*

Речка протаяла. *2011. Холст, масло. 35×45*

Колодец-журавль. *2012. Холст, масло. 43×74*

Нерль. Последний снег. *2005. Холст, масло. 45×60*

Белый шиповник и незабудки.
2008. Холст, масло.
60×40

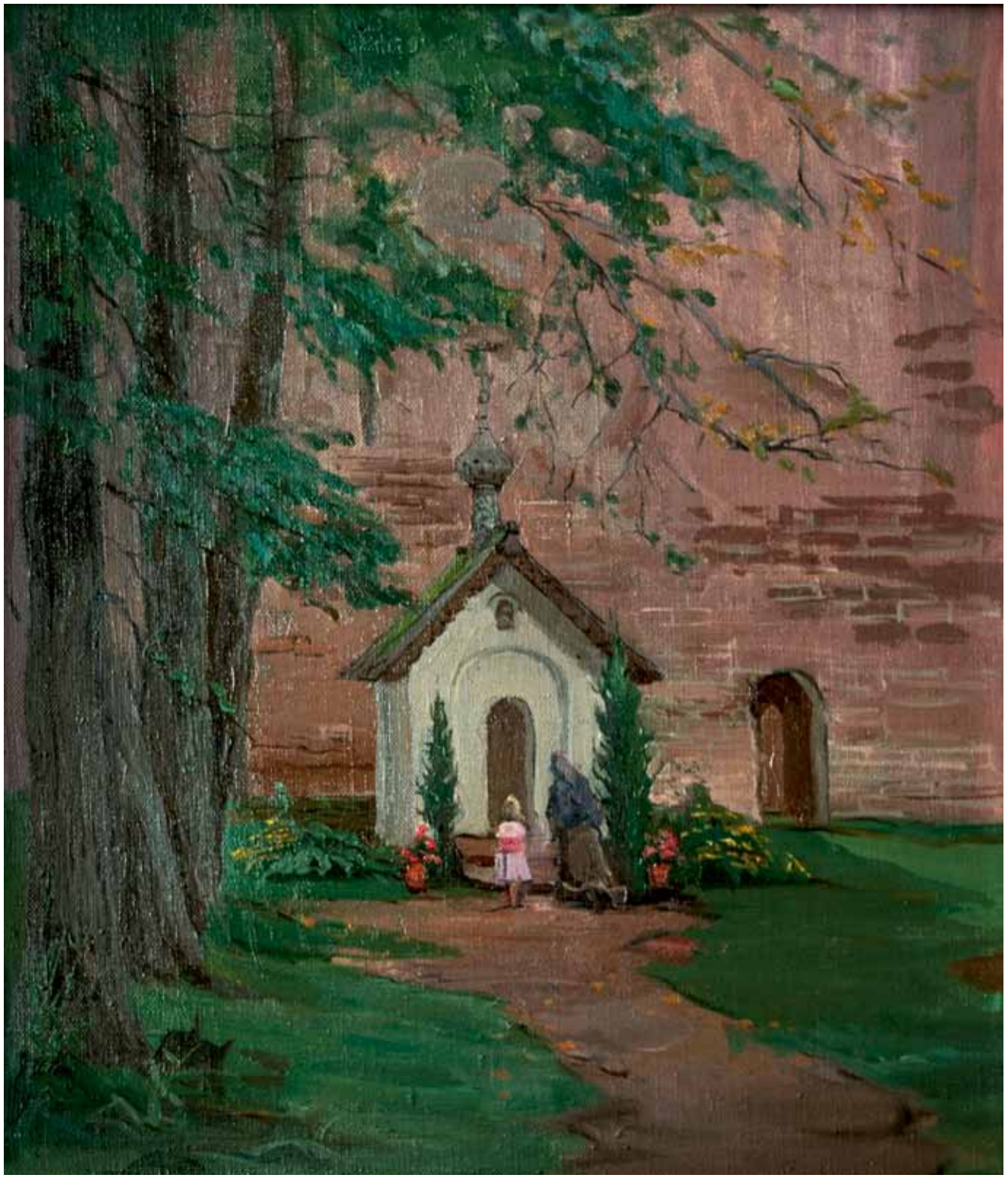
Топится баня. *1990. Холст, масло. 50×70*

Серая весна. *2012. Холст, масло. 35×70*

Морозный вечер в деревне Макарино. *2006. Холст, масло. 39×120*

У кельи преподобного Иринарха. *2012. Холст, масло. 43×36*

Весна в Новом Иерусалиме. *2009. Холст, масло. 40×90*

Июньский вечер. *2011. Холст, масло. 20×30*

В весеннем Суздале. *2011. Холст, масло. 20×49*

Зима на родине Василия Белова. *1992. Холст, масло. 40×65*

Разлив на Нерли. *2012. Холст, масло. 26×70*

«Грустное время, пройди поскорее». *2009. Холст, масло. 40×45*

Крест. *2011. Холст, масло. 35×110*

Третьяков-младший. Паломником по христианскому миру

С. А. Гавриляченко
Народный художник России.
Профессор МГАХИ
им. В. И. Сурикова

Для большего понимания особостей творчества Николая Николаевича Третьякова вспоминаешь мысли, идеи его отца – Николая Николаевича Третьякова-старшего, воспитавшего художника не только в сыне, но образовавшего-образумевшего не одно поколение студентов Суриковского института и ВГИКа. Николай Николаевич своими лекциями по истории русского искусства обращал слушавших к сущностному постижению начальных ценностей русской жизни, вобравших в свое единство и недосягаемое духовное совершенство православного иконописания, и полярности светских художеств, отзывчивых как к эпическому трагизму, так и к пейзажной лирике. Еще он учил-утверждал, что реализм не исчерпывается внешним жизнеподобием; что реализм не модно меняемая стилистика, а воплощение языками искусств предчувствий и прозрений смыслов национального бытия; что реализм подобен камню-тверди, на коем укрепляешься во времена разрушительных сомнений иль разъедающих рефлексий. Цельность русского реализма не исключает, воспользуемся определением Константина Николаевича Леонтьева, «цветущую сложность» отдельных ветвлений, течений, собирающих близких по мировоззрению художников в общности, склонных к почти каноническому развитию-приращению образных и формальных откровений. Уверовавшие ученики Третьякова-старшего выделены в современном русском искусстве в подобие слаженного хора, в котором каждый вольно ведет посильную дарованию партию, обогащающую общее согласие.

Остерегая от чужебесия, Николай Николаевич учил видеть-любить неприхотливо-родную красоту в природе и

искусстве, выделял «московскую школу», находя ее истоки в московской иконописи, пронизанной исихастским светолитием, через столетия забвения проявившимся в холстах Алексея Гавриловича Венецианова, Алексея Кондратьевича Саврасова. Именно они – живописцы среди художников – вернули в русскую культуру почитание колорита как высшей ценности формы, высшего блага, без которого невозможно не столько даже воплощение, сколько переживание образов и сюжетов.

Решаясь давать определения художническим предрасположенностям Третьякова-младшего, отмечаешь его близость к венециановской традиции. Живи он в XIX веке, несомненно, если судить по подходу к искусству, избранной стилистике, излюбленным мотивам и даже образу жизни, мог быть учеником Алексея Гавриловича Венецианова. Но Николай Николаевич-младший – наш современник, которому дорога, внятна вся почвенная линия в отечественном искусстве предшествующих двухсот лет. Он из тех, чье творчество немыслимо без родовых связей, наследственных по отношению к собственному делу-искусству обязательств, без обременения культурой, смиряющих гордыню, драгоценящих достижения.

Первое обязательство художника «московской школы» – верность натуре. Именно в живом созерцании, личном ощущении природных изменчивостей и постоянств «москвич» ищет и обретает все источники вдохновений, поводы для формальных, композиционных исканий. Натура призывает, с одной стороны, к точности, примучивает склонных к философичным фантазмам, с другой – открывает сосредоточенно-наблюдательному глазу подлинное взаимопроникновение природного и рукотворного миров. Взыскательный к себе и ученикам, Алексей Гаврилович Венецианов в стремлении за достоверностью выпиливал стену гумна, чтобы писать заинтересовавшую пластическую идею-сюжет, строил ученику

Наш дом в деревне. *1999. Холст, масло. 44×82*

Никифору Крылову мастерскую для ежедневной фиксации зимнего дня, предрекая будущую требовательность «ученика-правнука» Николая Петровича Крымова (помятуя его отца, учившегося у ученика Венецианова Сергея Константиновича Зарянко) к честному соблюдению законов «дня и часа». Венециановская метафизика, выявляя суть изображаемого, спасается от сопутствующего бездвижного рационализма общением с природой, с ее бесконечной неповторимостью. Третьяков-младший в своих трудах, не терпя приблизительности, одновременно не терпит столь облегчающую жизнь многих собратий фотофиксацию. Он один из редких, кто по-прежнему многодневно пишет зимние виды – своего рода оселки, на которых проверяется острота страстности художника-пейзажиста. Стынущие краски связывают, заставляют преодолевать материал, а ведь при этом, добиваясь точности, надо ухватить мотив, не упустить образ. Еще недавно морозные испытания были обязательны для русских художников. Мы зимний народ, и утрата такой малости, как натурная

«студеная работа», предостерегает, подобно мотыльку Брэдбери, о бедственных последствиях.

Многое в творчестве пейзажиста обусловлено образом жизни. Есть неутомимые путешественники, гоняющиеся за новыми гальванизирующими впечатлениями; есть мастера «ста видов горы Фудзи», которым вообще не хочется выходить за порог и достаточно опостылевшего вида из окна. Посредине крайностей сложился тип «художника-помещика», проводящего часть времени в городе, занимаясь необходимо суетными делами, но сердцем стремящегося в родовые угодья – к домику в умирающей деревне, на охотничью заимку, к потаенному местечку для ужения рыбы. Детство-отрочество урожденного москвича Третьякова-младшего не меньше, чем со столицей-школой, связано с жизнью на воле в постепенно безлюдевшей деревне Михалево Парфентьевского района Костромской области (к слову, месте рождения замечательно наблюдательного бытописателя Сергея Васильевича Максимова), еще доживавшей в крестьянских ритмах гесиодовских «трудов и дней». Избы, банька, шалаш среди болот на глухарином току, охоты с отцом по весне, после Пасхи, на лесную птицу – глухарей, тетеревов, рябчиков – вроде и не связаны с художеством, вроде отвлекают от профессии. Отвлекают, если видеть в них – охоте и художестве – промысловое добытчество, забывая о кантовском определении искусства как «незаинтересованном любовании». Сколь благодарна должна быть русская культура поэтичным охотникам – от Сергея Тимофеевича Аксакова и полузабытого Егора Эдуардовича Дриянского до Алексея Константиновича Коровина и Михаила Михайловича Пришвина, сроднивших душу человеческую с душой природы. Поговорка «охота пуще неволи» – многосмысленна, но в нашем случае связывает напрямую наблюдательность лесовика с внимательностью живописца, тоскующих без умеренных зябкостей и неуюта, молчаливо, сдержанно подмечающих тончайшие изменчивости утренней сумеречности, оживляемой первыми лучами. У таких людей особая чуткость к первым проявлениям света, к шорохам, звукам, переливам цвета. Ожидание развивает созерцательность, из которой материализуется умиротворенное немногословие личного художественного языка. И сейчас, продолжая семейную привычность, Николай Николаевич-младший с женой и пятью детьми до Покрова живет в по-настоящему своем, построенном в деревне Труфаново под Борисоглебом, доме, воспитуя следующее поколение Третьяковых на истинных природно-человеческих радостях и восторгах.

Село Кидекша. *2010. Холст, масло. 60×80*

Жизненный строй Третьякова-младшего с ранней юности органично включил самостоятельные путешествия с холстами и этюдником по Русскому Северу. Начало 1960-х годов вернуло особое отношение к Беломорью как заповедному средоточию национальной культуры и строгой веры. Хранение памяти, передача ее наследникам стали миссией подвижников, к коим принадлежал Третьяков-старший, сративших

Ветреный день в Кирилловской губе. *2012. Холст, масло. 20×30*

разорванную связь с веком XIX, со временем, когда открытие неведомого онежского эпоса, крестьянских хоромин-дворцов, дивного узорочья одежд и украшений преобразило русское искусство, обратив к глубинной народности. Образы казавшейся незыблемой крестьянской России не единожды менялись за последние сто лет. Художники рубежа XIX–XX веков видели, успели зафиксировать древнюю могучесть корневого жизненного уклада. Его застал Аркадий Александрович Пластов, имевший право писать идеальную быль, а не идеальное предание. Следующее поколение художников-«деревенщиков» по-разному искренне переживало «колхозный» слом станового хребта, слом тектонический, неизбежно роковой, полный античного хтонического трагизма. Их дети, повитые любовью к родной земле, уже застали печаль окончательного разора, увядания, грусти о некогда бывшем совершенстве. В хоровом «северном плаче» по «красно украшенной земле Русской» у каждого свое проживание судьбы. Кто-то искренне верит возможности возрождения, иные впадают в уныние. У Третьякова-младшего собственное понимание-отображение окружающего. Он из тех бодрых русских людей, знающих и почитающих прошлое, которые прямо и крепко живут на земле, восстанавливают не стыдящиеся первохристианской скудости храмы, строят дома, растят детей. От того его холсты подлинно реалистичны. В них художник не смотрит в ушедшее, не грезит будущим, а свидетельствует современность с одновременно и порушенной и теплящейся достойной жизнью, интуитивно облекая в зримость слова инока Филофея, часто поминавшиеся Николаем Николаевичем-старшим: «Главное, чтобы свеча не угасла».

Николай Николаевич-младший – из круга современных художников, вернувших интерес к интерьерному жанру. С момента создания Академии художеств русские наивно-доверчиво осваивали перспективную премудрость, пока опять же Венецианов с учениками не придали «комнатным видам» осмысленную наблюденную сюжетность, одолевая расчисленность экзерций преображающей тайной света. Эту линию полноценно продолжили «москвичи-бытописатели», позднее мастера «Союза русских художников», в отрицание петербургской холодноватой изощренности, наполнившие интерьеры цветовой образностью. По-особенному эти отличия заметны в живописной интерпретации храмовых пространств. Перспективные штудии – порождение математически выверенных, бесстрастных упражнений с западной архитектурой – впадают в растерянность перед алогичностью древнерусского зодчества, перед уходом конструкции под изобильную орнаментику. В свое время превосходящую разумность роль цветовой узорности подметил Петр Иванович Петровичев. Совершенства подобное переживание-понимание красоты достигло в холстах природного живописца Вячеслава Николаевича Забелина. Но и Петровичев, и Забелин, покоренные «ковровыми»

росписями ростовских церквей, долго были одиноки в своих трудах, подобно теплящимся друг от друга свечам, не давая угаснуть ставшей редкостью традиции.

Расцвет интерьерного жанра связан с рубежом 1980-х годов, с «куликовским» десятилетием, с охватившим предчувствием возможности воссоздания полноты национально-государственной жизни. Тогда еще молодые художники потянулись к истории, прикасаясь к ранящему былому, попытались собрать расколотые времена. Чуть позже, в середине десятилетия, начнется повсеместное восстановление церквей. Николай Николаевич, будучи прирожденным реалистом, без пафоса и символизма, одним из первых зафиксировал возвращение приходской жизни, изгнавшей мрак и запустение, постепенно вернувшей должное благолепие в храмы. Церковные интерьеры Третьякова, оживленные фигурами молящихся, своей достоверной, непозирующей «простотой» свидетельствуют краткое мгновение начала русского духовного воскресения.

Нашему художнику дорога цельность жизненного устройства, роднящего русский храм с русской избой и русским дворцом. По-венециановски хороша строгая, прилажено обжитая, не музейная простота домашних «избяных видов» с играющими малыми сыновьями. Одновременно с неменьшим удовольствием пишутся узорные палаты и парадные анфилады дворцов Московского Кремля. При всех сюжетных различиях, собранные вместе картины-интерьеры, помимо того, что напоминают о народно-властной иерархии, объединены темой света. Свет в «московской школе» неразрывен с цветом. Точный тон, валеры побуждают к нахождению соответствия в цветовой акцентации. Свет как камертон формы в холстах Третьякова отвечает еще и за драматургию. Льющийся из окон, падающий на пол и стены, своей непредсказуемостью плодотворно конфликтует с архитектурной стабильностью, оживляет ее.

Отдельной идеей вызрел неспешно пополняемый новыми картинами паломнический цикл, связавший один из центров «Северной Фиваиды» – Валаам с древнемонашеским греко-византийским Афоном. Издавна для русского человека выбором маячило всего два направления в перемещениях по миру. Первое – во благо – паломничество, второе – хожение во ад: отъезд за православный рубеж, независимо от причин, к этому побудивших. Недаром еще в XVII веке женщины в семьях, убывавших в посольства, облекались в траурные одежды. Даже бежавшие из плена, как осквернённые пребыванием в непотребных землях, год не входили в храм, молясь на паперти. Что уж говорить о путешествующих по своей воле. Ныне подобный ригоризм немыслим, но забытая правота не улетучивается, сторожась филиппик и иронии к туристической суете, выделяет возвышающее устремление к святыням. Порой,

Перед службой. *1993. Холст, масло. 70×97*

В древнем соборе.
1993. Холст, масло. 85×65

побывав, потрудившись в одном освященном верой, историей и преданиями месте, затем в другом, не сразу замечаешь их взаимные влияния – внятные, может быть, именно живописцу, чувствующему единение храма, монастыря с землей, ими увенчанной. Склонные к паломничеству художники, осознавая или не подозревая, проявляют через личное творчество дотоле неявные «композиции смыслов».

Не случайно первое из творческих объединений, в которое входил основателем Третьяков-младший, называлось «Паломником по Руси». Николай Николаевич, передвигаясь по оси-вертикали, которой некогда шла христианизация славянской ойкумены, проходит путь от одного средоточия веры к следующему, сравнивая увиденное с многочисленными, начавшимися с хожения игумена Даниила, паломническими экфрасисами. Иван Сергеевич Шмелев некогда написал: «Как и святой Афон, Валаам поныне светит. Афон на юге, Валаам на севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся «ночь мира», – нужны маяки». Холсты с видами Валаама и Афона собрали в цельность все, дотоле написанное Третьяковым в Ростове Великом, Кириллове, Москве, Звенигороде, Савво-Сторожевской слободе, на Кен-озере. Всматриваешься в зимнюю панораму Ростовского кремля, с царящим Успенским собором, в пейзаж с церковью Иоанна Богослова на Ишне, тут же вспоминаешь святого Авраамия Ростовского – постриженника Валаамской обители во времена ее основания преподобными Сергием и Германом, вспоминаешь о явлении святому на Ишне апостола Иоанна, затем обращаешься к исследованиям Анны Леонидовны Третьяковой и Веры Ивановны Вахриной, посвященным иконографии ростовского подвижника, и наконец начинаешь уразумевать, как живопись сегодняшнего дня, обращая к истории русской веры, включает сиюминутность в вечность, рождая дотоле не бывшее толкование.

Паломничество смиряет, ставит нашего современника в ряд художников, из столетия в столетие фиксирующих внешние изменчивости неколебимо сущностного. Прошедшая несколько лет назад в Третьяковской галерее выставка картин, созданных на Святой земле, подтвердила неискоренимость традиции, порой под давлением гонений уходившей под спуд, но неизбежно родниково пробивавшейся к смотрящим и видящим. Настроенному глазу в удовольствие наблюдать авторские приращения к общему делу, подмечать плодотворные взаимовлияния. Как-то оказавшись в мастерской Николая Николаевича, увидел на деревенском столе фотоальбом отца Савватия «От Афона до Соловков». Рассматривая иллюстрации, с их очевидным, одолевающим фотофизиологизм

возвращением к «картинной» первооснове, перевел взгляд к холстам на стенах, подумал о разлитых в воздухе идеях, настраивающих художников на образное созвучие, вне зависимости от внешности выбранных ими техник, технологий, материалов.

Когда пишешь о художнике, то в первую очередь вроде следует усиленно отличать его от собратий. Но в почвенной, канонической традиции все несколько иначе и строже. Сначала личные достоинства проверяются на соответствие родовым обязательностям. Окидывая взглядом историю отечественного искусства, опираясь на бытовавшее «русский значит православный», позволительно утверждать – «русский художник – значит реалист». Верность реализму, почве, школе – добродетель ныне редкая, отделяющая избранных от многих званых. Николай Николаевич Третьяков в своих художнических убеждениях, привязанностях близок Валерию Николаевичу Страхову, Николаю Юрьевичу Анохину, Сергею Ивановичу Смирнову, Илье Александровичу Каверзневу. Согласное признание законов живописи, родственность тем и мотивов не исключают соперничества в сравнении, как в тургеневском рассказе «Певцы», как в народной песне, когда соседнее село, станицу не заставишь играть-петь одинаково, хотя и сюжет и слова, казалось бы, похожие. У каждого своя особость. Выбором мучается зритель, слушатель, пока не прочувствует радость в несчетном многообразии, полюбив которое, тонко подмечаешь, как, к примеру, различно написан вспоротый дорогой или потревоженный одиноким следом снежный наст, как неистощимо вариативен колорит, как органично внутреннему метру и ритму взяты пропорции земли к небу, как много иного личного в холстах Страхова, Анохина, Смирнова, Каверзнева, Третьякова. Результатом из зрительского удовольствия кристаллизуется понимание, что русский реализм, возможно, последний отблеск мирового платонизма, а желаемая новизна – благая эманация первородных идей. Именно включенность в живую, творящую традицию, выделяя, приобщает Николая Николаевича Третьякова-младшего к значимым именам современного русского классического искусства.

У ворот монастыря
в Новом Иерусалиме.
2009. Холст, масло. 50×75

О художнике Н. Н. Третьякове

Н. Е. Зайцев
Народный художник России

Эстетическое чувство формируется в человеке с детства, и здесь огромную роль играет семья, ее духовная жизнь. От этого зависит его последующее развитие, способность воспринимать прекрасное, к чему тянется его ум и сердце. Третьяков Николай Николаевич вырос в интеллигентной, верующей семье, и это обстоятельство во многом определило черты и особенности характера будущего художника.

Отец – выдающийся теоретик русского искусства Н. Н. Третьяков, воспитавший не одно поколение художников, – являлся любимым профессором всех студентов Суриковского института и Института кинематографии (ВГИК); оказался наставником для сына на пути к творчеству.

Любовь к отеческой культуре, врожденная деликатность, при умении сохранять чувство собственного достоинства, готовность всегда помогать другим – эти черты русского интеллигента, к счастью, в подобных семьях сохранились в нашем народе.

Обучение в Художественном институте им. В. И. Сурикова, мастерская И. С. Глазунова, совпало с переходной эпохой, когда Илья Сергеевич пытался восстанавливать черты русского академизма в изобразительном искусстве, а в соседних мастерских наблюдался бурный рост эксперементального постмодернизма. Н. Н. Третьяков уже на этом этапе студенческих поисков пошел по пути наиболее трудному – следованию традиционному реалистическому направлению. Серьезность мировоззрения, глубокие национальные корни, тяготеющие к почвенным традициям, как и духовное начало, которое было заложено в семье, в последующем стали основой творчества художника. Включение в состав творческих мастерских Академии художеств СССР под руководством А. П. и С. П. Ткачевых явилось признанием таланта молодого художника.

В закрытом храме. *1993. Холст, масло. 70×95*

В процессе развития своего дарования художник создает целый ряд произведений, близких по духу писателям-«деревенщикам» В. И. Белову, В. П. Астафьеву, В. Г. Распутину, В. Н. Крупину. Написанный в эти годы художником интерьер северного деревянного храма («В закрытом храме») вызывает сложную гамму чувств. Ощущается трагедия запустения и одновременно надежда на возрождение. Одинокая женская фигура – как знак, что память о Боге живет. В другом интерьере («Перед службой») та же тема надежды на возрождение выражена более уверенно. При взгляде на картину «Наш дом в деревне» понятно, что живет здесь семья художника, а прежние хозяева покинули свой дом, и в этом ощущается трагедия судьбы русской деревни и жгучая правда, столь характерная для нашего времени. Художник в этой ситуации стремится на холсте оставить память о прежнем гармоничном мире крестьянской жизни.

В пейзажном жанре художник является продолжателем передвижнического пейзажа и более всего созвучен творчеству В. Г. Поленова и В. М. Васнецова. Стремление к натурной достоверности предполагает серьезную, вдумчивую работу. Художник от начала до конца пишет картину с натуры (часто на лютом морозе, что в наше время большая редкость). Выезд на натуру – это целое событие и в прямом смысле – охота: выбор мотива, погоня за любимым вечерним или утренним состоянием. Минута в минуту художник на определенном месте с искренним волнением изображает панорамы старых русских городов, деревень, монастырей или лесные мотивы с тихой рекой и любимым состоянием, когда небо сохраняет теплый отсвет скрывшегося за горизонтом солнца. Художник воссоздает тишь зимнего дня со звуками, гаснущими в морозном воздухе, показывает игру теплых закатных бликов, а нежно-розовая гамма палевых, золотистых, голубых и синих тонов создает поэтическую и историческую достоверность.

Глядя на написанные художником пейзажи с церковной архитектурой, ловишь себя на мысли, что невольно прислушиваешься к церковному звону. Это суздальские пейзажи, мотивы Костромы, Ростова Великого, Боровска.

Да, но охота настоящая – это тоже семейная традиция Третьяковых. Еще мальчиком отец брал сына на охоту. Видимо, и это обстоятельство, когда отец с сыном, скитавшиеся по болотам, лугам и непроходимым лесам и наблюдавшие утренние и вечерние зори, восторгались увиденным, было для них возможностью пообщаться с природой и оказало влияние на выбор творческого пути.

Художник выбирает мотивы, лежащие в стороне от современной жизни, но вот в картине «Крест», где на месте исчезнувшей деревни стоит крест при дороге, художник заставляет нас глубоко задуматься о судьбе русского народа. Это как реквием о тихо уходящей крестьянской цивилизации.

Бухта Благополучия. Соловки. *2011. Холст, масло. 30×75*

Обращаясь в своем творчестве к прославленным шедеврам древней русской архитектуры, таким как Московский Кремль, живописец демонстрирует широкий диапазон своего мастерства и иную грань своего дарования – художника-историка. На протяжении многих лет пишет он интерьеры Кремля – место, где многие века проходило государственное управление России. Цветисто-пестрые в своем декоративном узорочье с изразцовыми печами мотивы величавых палат переносят современного зрителя в средневековую жизнь русского государства.

В перечисленных жанрах автор следует верным принципам: делать только то, к чему лежит душа, и идти вперед, оглядываясь в прошлое. Такой способ познания мира дает художнику возможность в своих работах достичь многого.

По своей значимости творчество Николая Третьякова приближается к родственным по духу замечательным русским художникам – Н. П. Федосову, М. Г. Абакумову, А. А. Грицаю, В. Н. Страхову.

В скором будущем надеюсь увидеть произведения Н. Н. Третьякова на его персональной выставке.

1

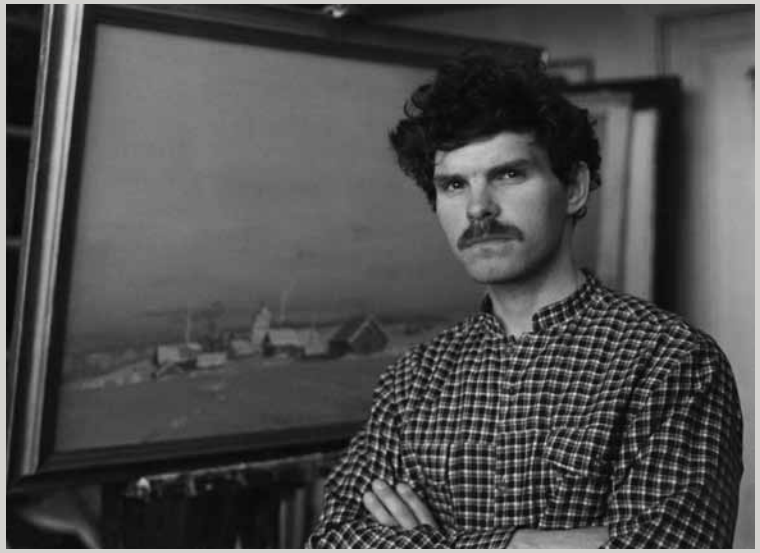
2

3

4

5

1. Отец и сын Третьяковы. 1966 г.

2. Лето в Костромской области. 2006 г.

3. В краю озер (с женой Анной). 1995 г.

4. Разговор (Н. Е. Емельянов и Н. Н. Третьяков). 2007 г.

5. В мастерской на Верхней Масловке. 1993 г.

6

9

6. Слева направо:
Ирина Николаевна,
Николай Николаевич (родители художника), Николай,
Анна (жена художника),
Коля, Ваня Третьяковы. 2002 г.

7. На поветях костромской избы. 1997 г.

8. В. В. Наумов и Н. Н. Третьяков. 2008 г.

9. Ростовские звоны. 1999 г.

10. На Валааме. 2010 г.

11. Н. Н. Третьяков.
Между весенними этюдами. 2008 г.

7

10

8

11

12

15

13

16

14

17

12. Выставочный зал на Крымской набережной. Выставка Н. Н. Третьякова (младшего). Художник с родителями. 1996 г.

13. Семья Третьяковых. 2008 г.

14. Со старшим сыном на этюды. Костромская область. 1996 г.

15. На тихой реке. 2001 г.

16. Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. Открытие выставки «Паломником по Руси». В центре Н. Н. Третьяков, И. С. Каверзнев, А. Д. Червяков. 1993 г.

17. На Костромской земле. 2001 г.

18

21

18. За работой над интерьером в деревенском доме. 2012 г.

19. Н. Н. Третьяков в Суздале. 2010 г.

20. Н. Е. Зайцев и Н. Н. Третьяков на открытии выставки «Союза русских художников» в ЦДХ. 2012 г.

21. На выставке в Мюнхене. 2006 г.

22. У картины Н. Н. Третьякова. Мюнхен. 2006 г.

23. На горе Афон. 2007 г.

19

22

20

23

Творческая биография

1962 Родился в Москве.

1978 Окончил обучение в Московской Краснопресненской художественной школе.

1979 Поступил в Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова.

С 1980 участвует в российских, республиканских и зарубежных выставках.

1985 Окончил Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова по мастерской портрета профессора И. С. Глазунова, защитив дипломную картину «Перед дальней дорогой».

1988 принят в члены Союза художников СССР.

1989–2001 Участвует в росписях кафедрального собора г. Челябинска, храмов Пензы, Саранска, Сердобска, храма Боголюбской иконы Божией Матери в Боголюбове.

1992 Творческая поездка на родину писателя В. И. Белова с кинооператором А. Д. Заболоцким.

1993 Творческая поездка по городам Великий Устюг, Тотьма с художником Г. Л. Чайниковым.

1994 Выставка «Паломником по Руси». Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник.

Творческая поездка на побережье Белого моря в поморское село Ненокса с художником В. Н. Страховым.

2000 Выставка в Риге (Латвия) в галерее «Неллия».

2001 Работа над серией портретов для Издательского отдела Московской Патриархии.

2002 Выставка художественного объединения «Русский мир». Москва. Государственная Третьяковская галерея.

2003 Выставка художественного объединения «Русский мир» к 1100-летию Пскова. Псков. Кремль. Псковский историко-художественный музей-заповедник.

Выставка художественного объединения «Русский мир». Москва. Государственная Третьяковская галерея.

2004 Выставка художественного объединения «Русский мир». Москва. Кремль. 14-й корпус Администрации Президента России.

2004–2010 Работает в Большом Кремлевском дворце над серией живописных интерьеров.

С 2004 картины Н. Н. Третьякова преподносятся в качестве подарков от лица Президента и Правительства России.

2004–2012 Творческие поездки на Валаам и Соловки.

2006 Поездка в Мюнхен (Германия) с выставкой творческого объединения «Русский мир» в рамках визита Президента России В. В. Путина.

2007 Выставка художественного объединения «Русский мир». Ватикан. Дворец Сан-Каллисто в рамках визита Президента России В. В. Путина.

Награжден дипломом I степени на II Всероссийском художественном конкурсе «От Древней Руси к новой России».

Творческая поездка на Афон (Греция) с художником И. А. Каверзневым.

2008 Работа над серией картин для выставки «Светися, светися, Новый Иерусалиме».

2009 Выставка художественного объединения «Русский мир» «Светися, светися, Новый Иерусалиме», посвященная воссозданию Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме. Москва. Кремль. 14-й корпус Администрации Президента России.

2008–2013 Постоянный участник выставок творческого объединения «Союз русских художников».

НИКОЛАЙ ТРЕТЬЯКОВ

живопись

Автор и составитель Н. Н. Третьяков
Макет и верстка Кирилл Чувашев
В альбоме использованы репродукции и фотографии автора

Издание осуществлено при финансовой поддержке АТОН
ISBN 978-5-91761-217-1

Издательство никея
121471, Москва, ул. Рябиновая, стр. 19. www.nikeabooks.ru

Отпечатано: